

УДК 323.1(476)

Т.Б.ДИАНОВА

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ВИТЕБЩИНЕ В 20-е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ

Ограниченное решение проблем национально-культурного возрождения белорусского народа в настоящее время невозможно без анализа и осмысления опыта, накопленного в прошлом. В этом смысле национальная политика, проводившаяся в 20-е годы в различных регионах республики, представляет ценный исторический материал.

До вхождения Витебской губернии в состав БССР акцент был сделан на работу с представителями национальных меньшинств — евреями, литовцами, поляками. Им стремились создать условия для изучения и свободного пользования родным языком. Работники губкома партии анализировали национальный состав рабочих на предприятиях Витебщины, и исходя из этого, строили свою работу. Так, на фабрике "Двина", стекольном заводе "Новка" и некоторых других был сравнительно высокий процент рабочих-поляков. На этих предприятиях были организованы клубы для рабочих, библиотеки польской литературы, кружки. В Витебском округе работало в 1924 году 14 польских школ, издавалась газета "Млот" на польском языке, в Витебске был создан польский рабочий клуб, организована сеть передвижных библиотечек. Аналогично строилась работа с представителями других национальных меньшинств / 1 /.

После присоединения Витебской губернии к БССР (1924 год), важнейшим направлением национальной политики на Витебщине становится белорусизация. Ее основным принципом стало обеспечение для коренного населения возможностей по изучению белорусского языка. С этой целью было сделано следующее: школы переводились на белорусский язык обучения; в учебную программу вузов белорусский язык был введен как обязательный предмет; стала издаваться "Крестьянская газета" на родном языке; во всем ведомстве и организациях губернии вменялось в обязанность организовать для олужанских курс по изучению белорусского языка, определить необходимые для этого сроки.

Одним из центральных направлений белорусизации являлась так называемая коренизация — выдвижение белорусов на партийную, со-

ветокуп, профсоюзную и общественную работу. С октября 1925 года по апрель 1927 года в составе губернской партийной организации удельный вес белорусов возрос с 28 до 49,8%, остальных уменьшился: евреев - с 29 до 27,2%, русских - с 28,8% до 10,8%, поляков - с 4,4 - до 4,0%, латышей - с 6,6 до 5,4% /2/.

Анализ архивных документов свидетельствует о наличии определенных сложностей, противоречий в процессе осуществления белорусизации на Витебщине. Во-первых, не хватало кадров национальной интеллигенции, прежде всего школьных учителей, хотя бы владеющих белорусским языком: в 1924 году на Витебщине в 36 школах было всего 23 таких учителя /3/. Довольно сложным было и отношение людей к белорусизации. Как отмечалось в партийных документах, активного сопротивления не было, но и большого желания изучать родной язык не наблюдалось. Некоторые крестьяне, часть рабочих выражали свое недоброжелательное отношение к идее белорусизации, отказывались отдавать детей в белорусские школы. Довольно скептически относились к проводимой политике и многие представители городской интеллигенции, преподаватели институтов. В политическом Витокружкема "Белорусизация и национальная политика" (1925 г.) на имя секретаря ЦК КП(б)Б Криницкого А.И. говорилось о неблагоприятном отношении к изучению белорусского языка как членов партии, так и беспартийных. Такого рода настроения объясняются многими причинами. Во-первых, тем, что Витебщина в большей степени испытала на себе влияние царской русификаторской политики; во-вторых, стремлением форсировать темпы белорусизации с помощью административных методов; в-третьих, отсутствием зачастую надлежащих условий для изучения языка.

З а к л ю ч е н и е. Политика белорусизации на Витебщине, являясь реальной возможностью национального возрождения, осуществлялась противоречиво, имела на своем пути трудности и преграды, не позволившие осуществить в полном объеме намечавшуюся национальную политику.

1. Государственный архив Витебской области. Ф. 10050, оп. I, д. 624, л. 65; д. 634, л. 22; Ф. 10051, оп. I, д. 203, л. 22-26.

2. ГАВО. Ф. 10051, оп. I, д. 261, л. 57-58.

3. ГАВО. Ф. 10051, оп. I, д. 203, л. 24.